

История о том, как три проститутки кооператив развалили:
опыт швейной мастерской г-жи Полянской
в контексте эпохи романа «Что делать?»

Мария С. Иванова

*Оренбургский государственный педагогический университет,
Оренбург, Россия, 704241@list.ru*

Аннотация. В работе проводится анализ кооперативной теории Н.Г. Чернышевского и его отношения к «падшим женщинам» на примере романа «Что делать?». Оцениваются последствия произведения в социально-экономическом измерении, а также влияние поведенческих моделей русского общества 1850–1860-х гг. на портреты действующих героев романа. На основе мемуарных источников приводится опыт швейных мастерских 1860-х гг., а также причины их неудач. Особое внимание уделяется мастерской госпожи Полянской, которой удалось не только реализовать кооперативные идеи Чернышевского, но и спасти представительниц проституции, путем включения их в процесс производства. На данном примере иллюстрируется отношение интеллигенции к проблеме проституции, способах ее решения на примере спасения Кирсановым Насти Крюковой. Проводится параллель между психологией Насти Крюковой как «исправившейся падшей девушки», честной камелии Жюли и трех проституток мастерской госпожи Полянской. Особое место в статье уделяется поиску ответов на вопрос – почему же, несмотря на отличные условия мастерской, попытки образовать девушки и социализировать их не принесли никаких успехов. Всё это рассматривается в совокупности с контекстом «эпохи Чернышевского», влияния западной экономической мысли и объективными причинами неудач российских товариществ 1860-х гг.

Ключевые слова: проституция, Н.Г. Чернышевский, кооперативная теория, новые люди, экономика, швейная мастерская, «Что делать?»

Для цитирования: Иванова М.С. История о том, как три проститутки кооператив развалили: опыт швейной мастерской г-жи Полянской в контексте эпохи романа «Что делать?» // Молодой историк. 2025. № 2. С. 121-136.

The story of how three prostitutes ruined a cooperative:
the experience of Ms. Polyanskaya's sewing workshop
in the context of “What to Do?” novel

Maria S. Ivanova

*Orenburg State Pedagogical University,
Orenburg, Russia, 704241@list.ru*

Abstract. The paper analyzes N.G. Chernyshevsky's cooperative theory and his attitude to “fallen women” while making use “What to Do?” novel. The article evaluates the consequences of the novel in the socio-economic dimension, as well as the influence of behavioral models of Russian society in the 1850s-1860s on the novel's characters. Making use of the memoir sources, the author of the article describes the experience of sewing workshops in the 1860s and the reasons for their failures. Special attention is paid to the workshop of Ms. Polyanskaya, who managed to realize Chernyshevsky's cooperative ideas and rescue prostitutes by involving them into the production process. This example illustrates the attitude of intellectuals to the problem of prostitution and the ways to solve it, using the example of Nastya Kryukova's being rescued by Kirsanov. A parallel is drawn to the psychology of Nastya Kryukova as a “reformed fallen girl”, honest camellia Julie and three prostitutes from Mrs. Polyanskaya's workshop. The author pays special attention to the question why, despite the excellent conditions of the workshop, all the attempts to educate and socialize girls have not brought any success. All these issues are considered taking into account “Chernyshevsky era”, the influence of Western economic thought, and

the objective reasons for the failures of Russian partnerships in the 1860s.

Keywords: prostitution, N.G. Chernyshevsky, cooperative theory, new people, economics, sewing workshop, “What to do?”

For citation: Ivanova, M.S. (2025), “The story of how three prostitutes ruined a cooperative: the experience of Ms. Polyanskaya's sewing workshop in the context of ‘What to Do?’ novel”, *Young Historian*, no. 2, pp. 121-136.

«Общественный идеал анархиста», «отец русской революционной мысли» Н.Г. Чернышевский запомнился не только своей политической концепцией, но и социально-экономическими идеями, воплощение которых нашло свое отражение в самом читаемом романе времени «Что делать?». Его роман «Отблески сияния» не оказал того влияния на русское общество, какое произвел его «собрат», однако также являлся продолжением кооперативных теорий Чернышевского. Так или иначе, именно кооперативная беллетристика данного социалиста-утописта произвела эффект «взрыва» на молодежь 60-х гг. XIX столетия, заставив ее окунуться в волну социальных экспериментов.

Идеи Н.Г. Чернышевского нельзя назвать полностью новаторскими – они были скорее следствием кооперативной европейской теории Роберта Оуэна, Анри Сен-Симона, Шарля Фурье, Луи Блана. «Отцы» теории предлагали создание ассоциаций для достижения благосостояния народа, путем изменения производственных отношений. Всё могло быть возможным в случае создания производительных ассоциаций. По мнению Чернышевского, именно товарищество являлось той самой идеальной формой объединения трудящихся. При этом достоинство такого способа организации составляло не большее количество прибыли, а удовлетворение потребности трудящихся в самостоятельности. Самостоятельность трудящихся, объединенная кооперативом, оказывалась, по его мнению, гораздо более выгодной для общества, а соответственно, и составляло его благо. Тем не менее Н.Г. Чернышевский делал из своих рассуждений вывод, что при такой форме организации производства дело

должно идти успешнее, нежели при хозяйстве отдельного капиталиста¹. Так, девизом нового дела становились такие слова как самостоятельность, добровольность, свобода выбора и отсутствие принуждения.

Сама история создания знаменитого романа «Что делать?», написанного Чернышевским в застенках Алексеевского равелина Петропавловской крепости, должна была казаться не лишенной драмы и романтизма молодым читателям. В художественном обрамлении кооперативные идеи Н.Г. Чернышевского были более понятны молодежи, нежели в сложном языке его статей. Однако даже в романе автор не скрывал того, что успех мастерской стоил многих вложений – материальных затрат самой Веры Павловны, ее хозяйственной хватки и равенства, как справедливого принципа распределения. Активно настроенная молодежь, чувствующая, что необходимо «делать дело», но не знающая где это дело искать, наплая наконец ответ с выходом в свет романа в 1863 г.

Мощнейшая волна, всколыхнувшая общество, подмечалась всеми, но каждый по-разному интерпретировал то, что смогли найти читатели в строках. Кто-то считал, что молодежь искала отклики на окружающую ее печальную реальность, кто-то портреты тех самых «новых людей», а кто-то пытался найти ответ на вопрос – что же делать? Итак, Чернышевский чутко ответил на социальный запрос общества, требовавшего конкретную программу действий и методов борьбы [Дианова 2022, с. 41]. Более того, план действий шел по мирному руслу изменений, еще не предлагая крови правительственной власти, что для развития социальной мысли начала 1860-х гг. было характерным штрихом. Таким образом, устроителем нового мира мог стать любой.

Публикация романа логическим образом породила последователей и подражателей как в положительном, так и в отрицательном плане. Н.Г. Чернышевский запустил череду создания многочисленных мастерских, производительных и потребительных ассоциаций, товариществ и коммун. Первые и последние плотно войдут в жизнь будущих народников, студентов и курсисток. Общие квартиры находились вблизи учебных

¹ Чернышевский Н.Г. Капитал и труда // Чернышевский Н.Г. Сочинения: в 2 т. М., 1987. С. 58–59.

заведений, а контингент этих квартир мог быть самым пестрым. Все полученные средства и имущество поступали в общее пользование. Особенно это было необходимо в условиях одного из главного бича эпохи – полного разрыва связи с родственниками, вне зависимости от степени их знатности и материального положения [Революционеры 1986, с. 67]. Эта черта особенно больно отзывалась для молодых девушек, вынужденных или бежать из родительского дома, или разыгрывать фиктивные браки с той же целью.

Интеллектуальный импульс Чернышевского оказался настолько сильным, что артельное движение ко второй половине 1860-х гг. охватило почти все ряды демократической интеллигенции и революционно настроенной молодежи. Конечно, к наиболее известным проявлениям кооперативных идей того времени можно отнести деятельность московского кружка «ишутинцев» или, как позже их назовут, «каракозовцев». В частности, женщины, привлекавшиеся по делу А.В. Каракозова позднее, имели мало общего в политическом плане с основным кружком. Они были задействованы в ишутинской швейной мастерской сестер Ивановых, но мастерская являлась лишь одним из направлений деятельности ишутинцев. В.И. Засулич вспоминала, что «члены его обучали в школе, имели 2 ассоциации и сообща устроенное общежитие². Несмотря на то, что сам П.А. Кропоткин отмечал в воспоминаниях, что «в сравнении с последующими движениями каракозовцы стояли на наиболее практической почве»³, проблемы в мастерской сестер Ивановых обнаружились почти сразу. Стоит учитывать, что и «швейня Ивановых» являлась более поздним примером ассоциации, пропустившей первую волну кооперативного движения молодежи 1863–1864 гг.

Описания, данного в романе, было достаточно для создания швейной мастерской, но мало для ее реальной жизнеспособности. Экономическая неопытность, презрение девушек-нигилисток к «аристократическим замашкам», легкомысленность, конкуренция – всё это заставило закрыться ряд швейных мастерских в первый же

² Засулич В.И. Воспоминания. М., 1931. С. 17.

³ Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 2022. С. 310.

год работы. Сама В.И. Засулич так характеризовала период ассоциаций в России: «ассоциации, по большей части швейные, росли как грибы, но большая часть из них вскоре распадалась, а некоторые кончались третейскими судами, ссорами»⁴. Та же самая участь ждала и коммуны. И хотя роман Чернышевского продолжал также жадно перечитываться молодежью, основной метод борьбы – создание ассоциаций, уже не удовлетворял запросы отдельной части граждан. Впрочем, кооперативная теория Н.Г. Чернышевского пережила и 1860-е гг., перейдя в следующее десятилетие с новым течением – народничеством.

Однако «Что делать?» вносил в сознание нового поколения не только идеи кооперативного производства. Кроме этого, Чернышевский отобразил еще одну характерную черту эпохи – фиктивный брак, дававший женщине возможность избавиться от родительского гнета и обрести собственную экономическую и социальную свободу. И хотя последний фактор в 1860-х гг. воспринимался как решающий шаг к полному освобождению женщины, сами представительницы женского освободительного движения в России в начале 1880-х гг. уже иначе смотрели на женские проблемы в трактках Н.Г. Чернышевского. В частности, в письме М.К. Цебриковой, одной из борцов за равноправие женщин, встречается критика одной из ее современниц. Цебрикова в достаточно жесткой форме высказывает мысль, что не учеба и не заработка составляют экономическую свободу женщины – это только половина свободы [Павлюченко 1988, с. 207].

Вопрос женской эмансипации является отдельным столпом романа и проявляется в произведении не только в виде браков Веры Павловны. Русская литература, развивающаяся в своем реализме и отражающая общественную позицию на ряд проблем современности, начиная с 1840-х гг. активно обращалась к теме «социального дна» и проституции соответственно. Продолжая развивать идею того, что женщина может быть свободна лишь в случае своей экономической эмансипации, Н.Г. Чернышевский, как и ряд других русских классиков, рассуждал над темой спасения «падшей женщины» и степени ее испорченности в целом. Однако

⁴ Засулич В.И. Воспоминания. М., 1931. С. 18.

данные рассуждения еще были далеки от реальности и были скорее утопическими установками. Он рисует то портрет бывшей проститутки Насти Крюковой, спасенной Кирсановым и постепенно умирающей от чахотки, то Жюли Ле-Телье, содержанки русского офицера. В самом начале романа Жюли говорит Вере Павловне, что «не тем я развращена, что тело мое было предано поруганью, а тем, что я привыкла к праздности, к роскоши, не в силах жить сама собою, нуждаюсь в других, угождаю, делаю то, чего не хочу, – вот это разврат!»⁵. Бывшую парижскую уличную проститутку Жюли, находящуюся в России в более «удачном» положении камелии (содержанки), Чернышевский рисует как женщину, осознавшую потерю собственной чистоты и страдающей от этого. Героиня Жюли делает простой вывод для читателя – лучше найти в себе силы быть уличной проституткой, чем опуститься жить в таком падшем обществе, где даже проститутка обладает большим великолюбием. При этом, положение Жюли также не является прочным, хотя в романе и делаются упоминания того, что ее покровитель предлагал ей венчаться и что она известна всей аристократической молодежи столицы. В историко-статистических исследованиях М.Г. Кузнецова описывается случай, когда один богатый барин узнал в одной из бродяг «камелию, поражавшую всех своей красотой и роскошью и у которой этот самый господин не мог прежде заслужить внимания» [Кузнецов 1871, с. 21].

Роман буквально пронизан идеей спасения «падших женщин», что прослеживается в поступке Кирсанова – спасении Настасьи Крюковой. Он помог ей расплатиться с хозяйкой публичного дома, которой она должна была 17 целковых. Обычно женщины были поставлены в условия, в которых задолженность продолжала расти – сумму удавливали или даже утраивали наряды, пища и кров, предоставляемые самой содержательницей дома. Эта причина была одним из способов вербовки молодых девушек в бордели. «Дурные семейные примеры и поощрения к разврату со стороны родственников» [Кузнецов 1871, с. 18] являлись частой причиной становления молодых девушек и даже девочек

⁵ Чернышевский Н.Г. Что делать? М., 2022. С. 52.

проститутками. Пример Веры Павловны и Сторешникова строился на таком же принципе выгодной продажи со стороны ее матери.

В биографии революционера 1860-х гг., одного из членов ишутинской организации И.А. Худякова есть показательный момент. Его дом часто являлся местом обитания нуждавшихся и неимущих, получавших там не только кров и деньги, но и образование. Так, летом 1865 г. у семейства Худяковых поселилась молодая девушка Е.Д. Шемякина. Еще до этого она была пристроена в бесплатную женскую школу А.К. Европеус по просьбе другого народника, А.Н. Энгельгардта. Он желал вывести ее из-под влияния «не совсем нравственной семьи». Если ориентироваться на рассказы современников, ее сестрой была публичная женщина. Девушка прожила у Худяковых около трех месяцев [Виленская 1969, с. 60–61.].

Лейтмотив эпохи в спасении падших женщин ярко проглядывается и в жизни русского критика Н.А. Добролюбова. Его длительные отношения с Терезой Карловной Грюнвальд, бывшей проституткой, характеризовались всеми особенностями эпохи. В частности, попытками просветить представителей низкого сословия, приобщить бывших ночных жриц к интеллектуальному и более честному труду. Тереза предлагала свои услуги на частной квартире, где проживала с двумя другими девушками, а после попала в бордель. Глядя на быт Терезы, в своих записях Добролюбов отмечал, что «бедная, презренная обществом девушка говорила мне иногда такие вещи, которых напрасно стал бы добиваться я от женщин образованных» [Вдовин 2017, с. 99].

В середине 1857 г. произошло «спасение» Грюнвальд – Добролюбов оплатил за нее долг и снял для нее комнату. Общение с Добролюбовым уже после окончания связи приносило Грюнвальд интеллектуальную пользу – в своих письмах она просила бывшего любовника принести ей книг [Дамы 2022, с. 24]. В читательском «рационе» Терезы находились также небезызвестные «Современник», «Отечественные записки» и «Колокол». Кроме того, сами занятия Грюнвальд были уже другими. Она шила, выполняла мелкие поручения Добролюбова и, если верить ее дальнейшим письмам к нему, решила заняться медициной, в частности, стать повитухой. У самого Добролюбова

перед глазами был другой пример подобной благотворительности, когда его знакомый студент Евлампий Лебедев в 1856–1857 гг. спас некую Екатерину Ясунову [Дамы 2022, с. 30]. Таким образом, литературный пример Кирсанова был скорее отображением эпохи, уже взятым на заметку типом поведения. Но книжный интерес Грюнвальд не мог быть ее полноценным вхождением в революционную молодежь. Более полноценной попыткой «влить» представительниц проституции в число «новых людей» явился пример мастерской госпожи Полянской.

Воспоминания Е.Н. Водовозовой отражают множество аспектов жизни дворянства и интеллигенции 1860-х гг., в том числе затрагивают и влияние романа на прогрессивные слои общества. В них же описывается несколько швейных мастерских. Первая мастерская просуществовала недолго и закрылась по тем же причинам, что и многие до нее. Вторая мастерская просуществовала значительно дольше и имела достаточно необычный опыт. Некий Д.С., знакомый Е.Н. Водовозовой, переехал из провинции в Санкт-Петербург. Как человек идейный и начитанный, ему не составило труда проанализировать причины неуспеха новых предприятий. Первая: женщины менее мужчин разбираются в экономических тонкостях и зря не обращаются к ним за советом. Вторая: во главе кооперативов стояли неопытные женщины, не знающие швейного дела. Третья: малограмотные швеи не поймут идеи романа в условиях, когда мастерская несет колоссальные убытки. Четвертая: при создании мастерской не стоит полагаться на кассовые сборы знакомых, а иметь свой запас средств. И, наконец, пятая: модный магазин, ориентированный на богатых заказчиц, не может иметь вид нигилистического сообщества.

Главной задачей мастерской является увеличение заказов, а соответственно и прибыли. Только в таких условиях делается возможным улучшение жизни швей и уровня их образования. По его мнению, «распорядительница мастерской обязана являться всегда одетою, как настоящая мадам, хотя бы она и презирала наряды; при этом она сама должна уметь прекрасно шить, кроить и

обладать изящным вкусом⁶. Подобная мысль Д.С. вызвала протесты нового поколения, решительного настроенного на отрицание роскоши. На это Д.С. отвечал оппонентам, что «такими соображениями и сохранением внешних атрибутов своей принадлежности к “молодой России” можно пожертвовать для торжества высокого общественного идеала»⁷. «Цель оправдывает средства» – тривиально звучало между строк идеи.

Подобные споры отвратили от Д.С. часть молодежи, опасавшейся ущерба своей демократической репутации, однако это не помешало ему набрать людей для исполнения нового дела, тем более, что он на практике показывал обоснованность своих доводов. Плюсом являлось и то, что Д.С. был знаком со многими богатыми и крупными чиновниками и имел возможность советовать мастерскую для заказов. Также он получал из дома 130 рублей, из которых на 30 рублей мог спокойно существовать, а остальные 100 обещал ежемесячно вносить в течении полугода на нужды предприятия. Кроме того, в его распоряжении находилась сумма в 1000 рублей, которая каким-то образом должна была пойти на дело, тесно связанное с новой мастерской. Таким образом, материальная основа нового товарищества была более устойчива и реальна.

Д.С. порекомендовал в качестве хозяйки-распорядительницы госпожу Полянскую, женщину лет сорока, обладавшую приятными манерами и знаниями иностранных языков. Полянская умела произвести впечатление на светских дам и кроме того основательно изучала кройку и шитье. Мотивы самой женщины тоже были непросты. С одной стороны, она выражала сочувствие «новым идеям» и предприятию, а с другой, осталась без средств к существованию после смерти мужа. Находя для себя неприличным идти в обычный модный магазин (что бы о ней подумали знакомые!), она была рада счастливому случаю помочь «идейной мастерской». В качестве помощи она предлагала обставить новую мастерскую своей мебелью и вещами, а также найти хороших клиентов. В целом, г-жа Полянская произвела

⁶ Водовозова Е.Н. На заре жизни: Воспоминания Е.Н. Водовозовой. СПб., 1911. С. 584.

⁷ Там же.

приятное впечатление на молодежь, хотя ее взгляды и слишком изящный вид не полностью понимались остальными. Но Полянская вовсе не читала знаменитого романа...

Организаторы поставили обязательным условием прочтение произведения, которое вскоре было выполнено. Удачная кандидатура Полянской вскоре нашла свое практическое подкрепление. Мало того, что заказов сразу обнаружилось больше, чем требовалось, так еще и изначальное устройство мастерской было выгодно и достаточно недорого обставлено. Заказчицы были очарованы советами Полянской, ее французским и английским говором, манерами и количество клиенток стремительно росло. Через три месяца мастерская уже не требовала тех ежемесячных ста рублей, которые вносила Д.С. Полянская предугадывала, что уже в следующий месяц, несмотря на дополнительные траты, должна получиться маленькая прибыль. Также ею было внесено изменение в рабочий уклад мастерской – она предложила сократить на час работу портних без ущерба заработной плате и выделить его на чтение. Идейные люди объясняли портняхам отрывки из Гоголя, Островского, Некрасова. Д.С. помогал Полянской и с набором новых портних, который он взял на себя. Первым делом Д.С. привел одну из новеньких к Водовозовой, которую попросил приоткрыть ту на недельку-другую и заняться ее образованием. Новенькую звали Таней, ей было около 19 лет и по рассказам самой девушки, сложные взаимоотношения с мачехой вынудили ее бросить родную семью и уехать в Петербург. Она была почти безграмотна, плохо читала, еще хуже писала и не проявляла никакого интереса к прочитанному, «выражалась языком полуграмотных горничных»⁸. При этом о подробностях ее прошлого Водовозовой больше ничего не было известно. Она часто заставала девушку в слезах, которая не знала, как ей приспособиться к новой среде. В ответ на расспросы Водовозовой Д.С. спросил ее, помнит ли она описание Жюли и Насти Крюковой в романе. Он указывал на то, что первая оказалась способной на бескорыстную привязанность, а вторая после спасения Кирсановым «переродилась в любящее, стыдливое

⁸ Там же. С. 587.

создание»⁹. Он приходил к выводу, что «нет такой девушки, у которой временный разврат мог бы загубить всякое нравственное чувство».

Таня рисовалась в рассуждениях Д.С. как жертва общества, его страстей и что именно такие создания заслуживают сочувствия больше остальных. «Самостоятельно же вырваться им из этого омута невозможно» – констатировал он. Именно здесь и был раскрыт план Д.С., на который он откладывал тысячу рублей: для Тани и двух других выкупленных девушек были заняты комнаты. Д.С. рассчитывал, что в скором времени они смогут существовать уже самостоятельным трудом. Можно ли говорить о том, что распорядитель всего этого мероприятия не знал о реакции самой Тани, ее слезах и отсутствии интереса к общественной идеи? Нет, Е.Н. Водовозова рассказывала ему об этом. Скорее всего, он полагал, что это было лишь изначальное сопротивление новой среде со стороны «падших девушек», отголоски их прошлой порочной жизни. Более важным обстоятельством являлось то, что он решил не раскрывать прошлого девушек г-же Полянской, которая, по его мнению, не могла оценить глубины идеи из-за своей принадлежности к другому кругу.

Однако всё это вскоре проявилось на практике и уже не требовало никаких объяснений. На пятый месяц существования мастерской Полянская направила письмо, в котором просила избавить ее от трех предоставленных девушек. Характеристика, даваемая Полянской, была незавидной. Все трое не умели шить, пачкали материал, работали неохотно и недобросовестно. Поведение двух из них также оставляло желать лучшего. «Наглое и бесстыдное», оно заключалось в презрении к хорошо одетым заказчицам, которых бывшие проститутки догоняли и всячески дразнили – показывали языки, кричали срамные слова, делали непристойные жесты. После закрытия мастерской вульгарное поведение продолжалось. Две проститутки приплясывали и пели непристойную песню «во все горло», сопровождая «концерт» теми же неприличными жестами. Конечно, подобное не могло не отразиться на количестве клиенток, но мастерская также

⁹ Там же.

продолжала терять и талантливых портних. После вечернего концерта проституток в мастерскую вбежал отец одной швеи и потребовал срочного расчета дочери, так как ее и ее родителей были обязаны предупредить, что в мастерскую набирают проституток.

Таня, в отличии от своих подруг по ремеслу, хотя и не бунтовала подобным образом, но по-прежнему не проявляла интересу к делу. Она продолжала плакать и жаловаться на головную боль, шитье у нее не шло и выпадало из рук, а сама девушка все чаще уходила пораньше из мастерской. Полянская негодовала от того, как Д.С. извратил мысль романа и как грубо он пытался копировать спасение Кирсановым Крюковой. По ее мнению, Крюкова под влиянием своей чистой любви к Кирсанову и его руководством смогла исправиться и лишь после этого поступить в мастерскую. Про то, что портнихи должны набираться из бывших жриц любви, у Чернышевского ничего не было сказано. Кроме того, Полянская прямо заявила, что намерена в течение полторы недели покончить с работой и уйти из мастерской, даже если все три проститутки покинут заведение. По мнению Полянской, нововведение кружка скомпрометировало ее как честную женщину, сделав в глазах окружающих «начальницей проституток», что в будущем могло лишить ее честного заработка. Она опасалась, что в будущем появится какая-то новая неожиданность, которая также поставит ее в неудобное положение. Уход Полянской обусловил закрытие мастерской, так как ей не было найдено достойной преемницы¹⁰.

Судьба троих проституток позже оказалась известной, но лишь частично. Все они, вероятно, сговорившись, исчезли за несколько дней до закрытия швейной мастерской. Позже Е.Н. Водовозова случайно пересеклась с оживленной, веселой и блестяще одетой Таней в театре, которая поведала ей, что находится на содержании у какого-то хорошего господина. В целом Д.С. оказался почти прав – Жюли Ле-Теллье воплотилась в девятнадцатилетней Тане, но, скорее всего, без тех нравственных ориентиров героини Чернышевского.

¹⁰ Там же. С. 588–589.

Как отмечала сама Водовозова, идея спасения падшей женщины пронизывала всю эпоху, что коснулось не только радикально настроенной молодежи, но даже и зрелых людей, заключавших браки с представительницами подобной профессии. Вместе с тем госпожа Полянская была права в отношении способов исправления проституток в романе Чернышевского. Как бы не были хороши нововведения некоего А.С., его экономическая и финансовая подкованность, тем не менее его идеологический инфантилизм поставил крест на вполне успешном предприятии швейной мастерской. Излишняя идеализация попавших в беду молодых девушки, абсолютное незнание психологии и мира проституток и уверенность в том, что спасти требовалось абсолютно всех – все это было общей проблемой времени, а не только учредителя мастерской. Насильственное внедрение проституток в чужую для них образованную сферу, даже с благородными попытками поправить их уровень грамотности и помочь финансово, не мог воспитать в них желания меняться и интересоваться конкретными вещами. Здесь и заключалась смешная горечь спасения – чтобы дать девушкам свободу выбора, они ее лишились самими «спасителями». Но все это прокладывало рассуждение над причинами и проблемами проституции, женской эмансипации и поисками удачных экономических моделей в новые десятилетия, время для которых только наставало.

ЛИТЕРАТУРА

-
- Вдовин 2017 – *Вдовин А.В. Добролюбов: разночинец между духом и плотью*. М.: Молодая гвардия, 2017. 298 с.
- Виленская 1969 – *Виленская Э.С. Худяков*. М.: Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1969. 175 с.
- Дамы 2022 – Дамы без камелий: письма публичных женщин Н.А. Добролюбову и Н.Г. Чернышевскому / Сост., науч. ред., авт. науч. ст. и коммент. А.В. Вдовин; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 238 с.

- Дианова 2022 – Дианова Е.В. Кооперативная беллетристика Н.Г. Чернышевского // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44. № 8. С. 37–49.
- Кузнецов 1871 – Кузнецов М.Г. Проституция и сифилис в России: Историко-статистические исследования. СПб.: Типография В.С. Балашева, 1871. 268 + 76 с.
- Павлюченко 1988 – Павлюченко Э.А. Женщины в русском освободительном движении: От Марии Волконской до Веры Фигнер. М.: Мысль, 1988. 269 с.
- Революционеры 1986 – Революционеры 1870-х годов: Воспоминания участников народнического движения в Петербурге / Сост. В.Н. Гинев. Л.: Лениздат, 1986. 439 с.

REFERENCES

- Dianova, E.V. (2022), “Cooperative fiction by N.G. Chernyshevsky”, *Scientific Notes of Petrozavodsk State University*, vol. 44, no. 8, pp. 37–49.
- Ginev, V.N., ed. (1986), *Revolutionaries of the 1870s: Memoirs of participants in the narodnik movement in St. Petersburg*, Lenizdat, Leningrad, USSR.
- Kuznetsov, M.G. (1871), *Prostitutsiya i sifilis v Rossii: Istoriko-statisticheskie issledovaniya* [Prostitution and syphilis in Russia: Historical and statistical studies], Printing house of V.S. Balashov, St. Petersburg, Russia.
- Pavlyuchenko, E.A. (1988), *Zhenshchiny v russkom osvoboditel'nom dvizhenii: Ot Marii Volkonskoi do Very Figner* [Women in the Russian liberation movement: From Maria Volkonskaya to Vera Figner], Mysl', Moscow, USSR.
- Vdovin, A.V., ed. (2022), *Ladies without camellias: letters from public women to N.A. Dobrolyubov and N.G. Chernyshovsky*, National research. University of Higher School of Economics, Publishing House of the Higher School of Economics, Moscow, Russia.
- Vdovin, A.V. (2017), *Dobrolyubov: raznochinets mezhdru dukhom i plot'yu* [Dobrolyubov: the difference between spirit and flesh], Molodaya Gvardiya, Moscow, Russia.

Vilenskaya, E.S. (1969), *Khudyakov* [Khudyakov], Publishing House of the Central Committee of the Komsomol “Young Guard”, Moscow, USSR.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мария С. Иванова, студент бакалавриата, Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Россия; 460014; Россия, Оренбург, Советская ул., 19; 704241@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maria S. Ivanova, bachelor student, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia; 460014; Russia, Orenburg, Sovetskaya str., 19; 704241@list.ru